

ВЫШЛИ КНИГИ:

СЕРИЯ «ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»:

РАЗРЫВ — ТРАВА ГОРЬКАЯ
СКВОЗЬ ПЕЧАЛЬНЫЕ ТУМАНЫ
ВОЛКИ СМОТРЯТ В ЛЕС
ОТВОРИТЕ МНЕ ТЕМНИЦУ
ГОРЮЧ КАМЕНЬ АЛАТЫРЬ

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЕСТРЫ»:

ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ
ГОРИ, ПИСЬМО ЛЮБВИ
СУДЬБОЮ РВЕТСЯ НИТЬ

СЕРИЯ «ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ:

ТВОИ ГЛАЗА БЕЗДОННЫЕ
ТИХОЙ НОЧЬЮ НА СТЕПИ
ЛУНОЙ БЫЛ ПОЛОН САД
ТЫ ОДНА – ВСЯ ЖИЗНЬ
ЖАСМИН ЕЩЕ ЦВЕЛ
ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО
ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА
ЗВЕЗДЫ НАД ОБРЫВОМ

СЕРИЯ «МАГИЧЕСКИЕ ТРОПИКИ»:

ДЕТИ ЙЕМАНЖИ
ЖЕНЫ ШАНГО

Анастасия Туманова

ЖАСМИН ЕЩЁ ЦВЁЛ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Жасмин ещё цвёл / А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 380 с. — (Дорогой длиною).

ISBN 978-5-521-92503-2

Идёт Первая Мировая война. Молодая цыганка Дина — невенчаная жена князя Зураба Дадешкелиани. После первой их ночи Зураб уезжает на фронт. В Россию приходит страшный 1917 год, за ним — гражданская война. В промёрзшей и голодной Москве Дина ждёт известий от любимого, но их нет... После страшного убийства в цыганском доме семья Дины покидает Москву, скрываясь в лагере. Дина понимает, что теряет Зураба навсегда...

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92503-2

© Туманова А., 2021
© Бенимана Д., оформление, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

*Автор благодарит Фонд цыганской культуры
и истории Николая Бессонова
и актрису театра «Ромэн»
Анжелу Баталову-Лекареву
за предоставленный материал
для оформления обложки.*

Г Л А В А 1

Тёплым майским вечером 1917 года в трактире станицы Черномызской Ростовской губернии шла крупная карточная игра. Весь большой зал трактира был забит офицерами полка Второй Конной дивизии, который накануне расположился возле станицы. В окна просовывались чубатые казачьи головы, никто давно не пил и не ел, и сам хозяин, бросив ценные бутылки с местным вином без присмотра, бродил вокруг сгрудившейся у стола толпы, безуспешно пытаясь заглянуть поверх голов.

Игра шла уже несколько часов. За длинным некрашеным, в пятнах от пролитого вина столом сражались двое. Штабс-капитан Авалов, первый картёжник батареи, невысокий загорелый человек, казался невозмутимым, хотя проигрывал уже второй час. Его противник, цыган лет тридцати, чёрный, как жук, с острыми «голодными» скулами, покрытыми густой щетиной, играл успешно. Возле него на столе уже лежали смятые ассигнации, пятисотрублевый романовский билет, золотая цепочка с медальоном и часы Авалова, и узкие, сощуренные глаза цыгана блестели из-под падающих на лоб волос запальной искрой.

У дверей трактира, сидя на грязных, затоптанных половицах, ожидали двое. Один был парнишка лет семнадцати, в линейной голубой рубашке, взъерошенный, смуглый до черноты. Он озабоченно поглядывал на сгрудившихся около стола офицеров и казаков, вытягивал длинную шею, стараясь хоть что-то рассмотреть, но это ему не удавалось. Несколько раз парень порывисто вскакивал, намереваясь подойти ближе, но сидящая рядом молодая цыганка удерживала его за руку.

Девушка, в отличие от парня, казалась совершенно безмятежной; её большеротое, забавное, очень живое, коричневое от загара и природной смуглости личико усиленно выражало скуку и усталость, но из-под мохнатых ресниц то и дело вымётывался острый, пронзительный взгляд.

— Да со ёв кэрэла, авэла, чеинэ тэ лэс ловэ да уджас!¹.. — не выдержал, приподнимаясь, мальчишка.

— Бэш, бэш²... — сердитым шёпотом осадила его цыганка. Несколько лиц повернулись к ним. Девчонка тут же снова скроила безразличную гримасу, ленивым движением смахнула выбежавшую из-под платка на лоб струйку пота и, поднявшись, отправилась во двор, где, привязанные к коновязям, стояли лошади.

Цыганский табор пришёл в Черномызскую на следующий день после того, как в ней расположился полк, — к дикому восторгу военных, начиная от полковника и кончая последним денщиком. В таборе оказалось несколько молодых девчонок, готовых за небольшую плату спеть и сплясать для господ офицеров; цыганки постарше, в вылинявших кофтах и цветастых юбках, обвешанные крикливой детворой, шныряли по домам, предлагая погадать. Их услугами охотно

¹ Да что он делает, нужно брать деньги и уходить!..

² Сиди, сиди...

пользовались: шёл третий год войны, которая изрядно всем надоела, было интересно, когда же наконец кончится это мучение, а поскольку от начальства вразумительных объяснений не поступало давным-давно, то уставшим солдатам годились и цыганские обещания скорого конца «всей этой глупости с немчурой». Мужчины же цыгане не отходили от лошадей полка, любовно подобранных по гнедой и рыжей масти, сильных, сытых, успевших отдохнуть от долгого перехода. Цыгане неуверенно предлагали менять скакунов, но солдаты со смехом отказывались: менять было не на что. Цыгане возвращались с ярмарки в Новочеркасске, где успешно продали всех мало-мальски годных лошадей, и теперь единственным на весь табор пристойным конём оставался высокий чубарый жеребец невероятной красоты, принадлежавший Митьке по прозвищу Мардо.

Сам Митька сейчас сидел за столом трактира напротив штабс-капитана Авалова с веером мятых карт в руках, и весь офицерский состав, сгрудившийся вокруг, не спускал глаз с рук цыгана: его везучесть казалась подозрительной, да и испорченная шрамами физиономия была абсолютно разбойничьей. Но Мардо, похоже, играл честно.

— Авалов, остановитесь, — наклонившись к штабс-капитану, тихо сказал молодой ротмистр. — Успокойтесь, это безумие. Вспомните, что с вами было в Житомире, повторяется та же история... Придите в себя, ещё не поздно закончить... Посмотрите на его морду, это же бандит! Нашли с кем садиться играть, право!..

— Стадницкий, подите прочь, — без всякого выражения ответил штабс-капитан. — Первый раз в жизни вижу цыгана, понимающего в серьёзной игре, не лишайте меня удовольствия.

И в этот миг Мардо выложил каре из королей. Зрители взвыли, казаки заорали от восхищения, мальчишка-цыган и цыганка у дверей обнялись.

— Всё, барин, или ещё изволите? — с величайшим почтением осведомился Мардо, подгребая к себе ворох ассигнаций.

— Боюсь, брат, что на этот раз всё, — сухо, ничем не показывая своего разочарования, проговорил Авалов. Ротмистр Стадницкий облегчённо вздохнул... и тут же отвернулся с досадой, пробормотав: «Идиот...»: штабс-капитан снял с пояса револьвер.

— Впрочем, нет. Ещё раз, на все! Ставлю оружие!

— Авалов, вы с ума сошли! — взорвался Стадницкий. — Господа, да уймите же его! Он этому чёрту через полчаса проиграет батарейные орудия и пойдёт под трибунал!

— Револьвер мой собственный, — не поворачивая головы, процедил Авалов. — А если вы, ротмистр, ещё раз позволите себе вмешаться в мою игру, я сделаю из него последний выстрел. Догадайтесь, в чью голову.

— Болван... — сердито произнёс ротмистр и отошёл в сторону.

Цыган обнажил в усмешке острые белые зубы; как мог, погасил бешеный огонь в глазах и начал сдавать.

— Успокойтесь, Стадницкий, — сочувственно сказал обиженному ротмистру светловолосый казачий сотник. — Вот увидите сейчас феномен собственными глазами: игра переломится. На моей памяти Авалов ставит этот свой револьвер шестой раз, он у него вроде талисмана, и...

— Поверьте, мне наплевать, — сухо ответил Стадницкий, достал портсигар и вышел на улицу.

Сотник между тем оказался прав: после того, как револьвер штабс-капитана лёг на стол, придавив денежные билеты, везти цыгану перестало. Довольная ухмылка пропала с его

лица, густые брови съехались на переносице в одну сплошную линию. Молодая цыганка, подойдя вплотную к столу (офицеры с улыбками расступились, пропуская её), наблюдала за тем, как деньги и золото перекочёвывают обратно к Авалову. Она молчала, но её блестящие, чёрные, как переспелая вишня, глаза не моргая смотрели на летающие над столом карты. Мальчишка подошёл тоже и несколько раз робко заговаривал с Мардо на своём языке, но тот отмахивался от парня как от мухи и продолжал игру, глядя на карты так, словно собирался прожечь их глазами.

— Ну вот, брат, и всё, — спокойно произнёс штабс-капитан, когда на стол трактира лёг широкий луч закатного солнца, и, аккуратно разложив по карманам деньги, поднялся из-за стола. — Спасибо за игру, ты действительно молодец. И везло тебе долго, надо было вовремя остановиться. Стадницкий, где вы там? Обижены? Ну, простите, мой милый, я во время игры утрачиваю здравый смысл, не сердитесь.

— Много чести — сердиться на вас, — буркнул Стадницкий. Офицеры пожали друг другу руки, вокруг засмеялись, заговорили... и в это время цыган, опрокинув табуретку, вскочил из-за стола.

— Ваша милость, ради бога! Ещё раз! Ради Христа, ещё раз! Один раз только!

— Боже, тебе так понравился мой револьвер? — рассмеялся Авалов. — Изволь, один раз можно, но что поставишь? Как я вижу, ты пуст...

— Пуст, барин, пуст, не слушайте его! — тревожно забормotal мальчишка, заглядывая в лицо Авалова. — Пустой, как торба рваная, идите себе с богом, с удачей вас...

— Не лезь, — тихо, с угрозой велел Мардо.

— Мардо, со кэрэса, пошун ман¹...

¹ Что ты делаешь, послушай меня...

— Дзя яври, умарава! Дылыно!¹ — зарычал сквозь зубы Мардо. Цыганка с силой дёрнула мальчишку за рукав, и тот неохотно отошёл к порогу.

— Садитесь назад, ваша милость, я коня ставлю!

— Что? Своего чубарого? — Авалов, не сводя недоверчивых глаз с лица цыгана, медленно уселся за стол. — Изволь, только смотри, обратно потом не отдам.

— Небось и не попрошу, — хрипло буркнул Мардо, хватая колоду и лихорадочно перетасовывая карты. — Цыганское слово крепкое, выиграете — будете на чубаром ездить да меня добрым словом поминать. Деньги мне не нужны, револьвер ваш ставьте!

— Мардо! — снова не выдержал мальчишка. — Кай тыро шэро?! Кицык мол адава железка²?!

— Джином со кэрав, закэр муй³! — сквозь зубы процедил Мардо, и больше парень не сказал ни слова.

Через пять минут всё было кончено: цыган проиграл. Хрипло, тяжело дыша, что-то бессвязно бормоча сквозь зубы, он уронил встрёпанную голову на стол, несколько раз ударил кулаками по некрашеной столешнице. Было видно, как его трясёт, и столпившиеся рядом офицеры смотрели на сгорбленную фигуру с жалостью. Но в это время с улицы донеслись истошные, раздирающие душу женские вопли, и офицерский состав, толкаясь, выбежал из трактира прочь.

Молодая цыганка выла в голос посреди двора, ваяясь в пыли и обхватив голову руками. Мальчишка склонился над ней с совершенно несчастным лицом. Красавец чубарый стоял спокойно, помахивал хвостом, косил влажный фиолетовый глаз на кокетливо перебирающую ногами кобылу

¹ Пошёл вон, убью! Дурак!

² Где твоя голова? Сколько стоит эта железка?

³ Знаю что делаю, заткнись!